

Владимир Мельничук

ЦВЕТОК ВЫСОКОГОРЬЯ

ИСТОРИЯ

В моей работе есть и необычное,
А интерес ее особый в том:
Встречаешь шурф, как яркую страничку
С волнующим рассказом о былом.

Вот бью один – и толщу вижу лет,
И грохот, бывший тут, камней услышал:
Моренный грунт, но ледника-то нет,
Над новой он мореной – выше.

В другом шурфе еще один след давний,
Что археологу является во сне:
Орудия труда – в золе нашел – из камня,
В лицо взглянул как будто пращур мне.

В земле провалов времени нет темных:
События отмечены в свой срок.
Увидел как-то кости я огромные –
В разрезе глины белый порошок.

Под ними уж закаменевший
Остаток дерева, точнее, часть ствола.
Внизу – песок. Во времена древнейшие
Тут лес стоял, и речка здесь текла.

Сегодня только голые холмы,
Кольшет травы беспокойный ветер.
Волнуемся, встречаясь с прошлым мы,
Короткий срок живя на белом свете.

Ведем документацию шурфов,
В ней каждый слой,
прослоечек отмечен,
Со мною ими явственно, без слов,
В них говорит сама седая вечность.

Засыпан шурф. И снова всё вдали,
А в новом
вновь в лицо мне время дышит.
Читаю я историю земли,
Которую никто не перепишет.

КОЛЕСНИЦА

Словно след оставила жар-птица,
Народилась радуга-дуга,
А под ней, в ущелье, кобылицей
Мчится речка в скальных берегах.

От дождинок все вокруг искрится,
Наплывает голубой простор.
Я качу в него на колеснице
Изумрудных, белоснежных гор.

РОМАШКА НА СНЕГУ

Дождь шел уж два дня, а на третий
Вдруг снег повалил, и метель замела.
Когда на четвертый
не смолк вьюжный ветер,
Сказали себе мы: «Плохи дела».

Сбивались в одной, чтоб согреться,
палатке,
Еще не встречались с напастью такой.
Читали, скучали, вздыхали украдкой
Да молча боролись с глухою тоской.

Еще пару дней протомились мы гадких,
Казалось уже неминуемой беда...
Один из нас утром раздвинул палатку
И выскочил с криком: «Скорее, сюда!»

Восторг у меня тоже рвался из горла,
Послышался возгласов радостных хор.
Ведь небо шатер голубой распростерло,
И солнце сияло над мрамором гор.

К слепящему солнцу
лишь мы присмотрелись,
Восторженно выдохнул кто-то: Ух ты!
Над снегом морены – поверилось еле –
Стояли на ножках высоких цветы.

Земля была ими и раньше украшена,
Но дивно как – даже сказать не могу –
Смотрелись все те же простые ромашки
Не в зелени трав, а на ярком снегу.

Тогда о себе я подумал: «Недаром
С друзьями помучился столько здесь ты.
Природа за это вручила подарок
Неведомой раньше тебе красоты».

А солнце палатки намокшие сушит,
И пар от палаток столбами идет.
Услышали вдруг, настороживши уши:
Летит! Это к нам уж летит вертолет.

НАГРАДА

Вдоль речки в ущелье укромно –
Но очень уж близко к реке, –
Ее повторяя неровность,
Поселок стоит Жинишке.

Поселок, хоть улочек пара,
Свою все ж имеет красу.
По склонам зеленым отары
Вокруг скотоводы пасут.

И мы здесь в палатках недаром,
Не в поисках легкой лафы:
Пасут скотоводы отары,
Мы рядом проходим шурфы.

Привычно врубаюсь я в камни,
Пока не захватит мне дух.
Следит за моими руками
Внимательно старый пастух.

И день наблюдает, и третий,
К шурфу подъезжая порой,
И взгляд стал приветливо-светел
В его разговоре со мной.

Ему было, видно, в отраду
Сказать мне такие слова:
– За эту работу вам надо
Машины бесплатно давать.

Внимал я с улыбкою странным,
Но искренним этим речам.
– Согласен, отец, на барана, –
Шутливо ему отвечал.

И эта ведь горная сценка
Запомнилась мне навсегда
Нежданно высокой оценкой
Привычного очень труда.

Тех слов я не слышал дороже.
Как будто был орден мне дан.
Сказал не досужий прохожий,
А труженик вечный – чабан.

РЕЧКА

Бежит-шумит передо мною речка,
Истачивая струями гранит.
То на одном из множества наречий
Со мною сама вечность говорит.

К ней подходя, я чутко ей внимаю,
В ней умываюсь, воду ее пью,
Но я язык ее не понимаю
И жажду, зная, водой не утолю...

